

Для цитирования: Богданова В. О.
Экзистенциальный подход
к исследованию бытия цифрового поколения //
Социум и власть. 2022. № 3 (93). С. 17—24.
DOI 10.22394/1996-0522-2022-3-17-24.
EDN HCECBI.

УДК 140.8

EDN HCECBI

DOI 10.22394/1996-0522-2022-3-17-24

ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫЙ ПОДХОД К ИССЛЕДОВАНИЮ БЫТИЯ ЦИФРОВОГО ПОКОЛЕНИЯ¹

Богданова Вероника Олеговна^{1, 2},

¹ Южно-Уральский государственный
гуманитарно-педагогический университет,
доцент кафедры философии и культурологии.

² Южно-Уральский государственный университет
(национальный исследовательский
университет),

доцент кафедры философии,
кандидат философских наук.
Челябинск, Россия.

E-mail: verovictory@mail.ru

Аннотация

В статье рассматривается существование цифрового поколения с точки зрения экзистенциального подхода. Автор показывает, что цифровые технологии расширяют связь человека с реальностью, он выходит за пределы собственной

телесности и преодолевает пространственные и временные границы. Виртуальность начинает восприниматься как продолжение реальности, поэтому бытие-в-мире определяется автором как «гибридное бытие», представляющее собой синтез виртуальной и повседневной жизни субъекта. В статье автор приходит к выводу, что размывание границы между реальным и виртуальным, актуализирует потребность личности в самоопределении и самосозидании, которые реализуются в бытии-с-другим. Цифровая культура приводит к трансформации бытия-с-другим, поскольку в виртуальном мире Другой отсутствует в своей телесности, что дает возможность скрывать личность путем создания цифровых презентаций. Конструирование виртуальных образов позволяет проявлять субъекту разные стороны своего «Я» и преодолевать социальную категоризацию, что делает процесс коммуникации более глубоким в экзистенциальном смысле.

Ключевые слова:
экзистенциальный подход,
бытие-в-мире,
бытие-с-другим,
виртуальная коммуникация,
цифровое поколение,
самопрезентация

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке ФГБОУ ВО «Шадринский государственный педагогический университет» по договору на выполнение научно-исследовательских работ от 15.06.2022 г. № 16-391 по теме «Смыслжизненные ориентиры современной молодежи в цифровую эпоху: методология исследования».

Существование человека в условиях цифровой реальности можно исследовать, воспользовавшись некоторыми принципами и категориями экзистенциального подхода, поскольку он позволяет раскрыть связи человека с миром, проследить их трансформацию в результате распространения информационно-коммуникационных технологий.

Экзистенциальный подход акцентирует внимание на уникальности бытия человека. Он определяет человека как открытую возможность, поскольку внутренний мир рассматривается как неповторимый и уникальный результат самосозидания. Как отмечает Ж.-П. Сартр, «человек не что иное, как то, чем он делает себя сам» [6, с. 324]. Движущей силой человеческого существования является свобода, связанная с ответственностью. Поскольку человек отвечает за результаты своих решений, свобода является не правом, а обязанностью [1, с. 325].

У К. Ясперса экзистенция — это подлинное уникальное бытие человека, которое раскрывается только при встрече с трансценденцией. Экзистенция не создается индивидуумом, она задана ему от рождения. Он прорывается к ней с помощью шифров бытия. «Относительно себя я уверен: я свободен, — пишет К. Ясперс, — я есть в своей свободе не благодаря самому себе, но дарован себе в ней, так как я могу отсутствовать сам для себя и не могу вынудить себя быть свободным. Там, где я есть, собственно, сам, я уверен, что я таков не благодаря самому себе. Наивысшая свобода, будучи свободой от мира, знает себя одновременно как глубочайшую связанность с трансценденцией» [11, с. 46]. Таким образом, свободное бытие человека, называемое экзистенцией, проявляет себя как устремленность к трансценденции (Богу). При этом Бог достоверен не как содержание знания, но как то, что всегда имеет силу настоящего для экзистенции.

В рамках экзистенциального подхода человеческая жизнь рассматривается как бытие-в-мире. В философии М. Хайдеггера это определяется как экзистенциал, показывающий неотъемлемое измерение человеческого существования [9, с. 58]. До появления цифровых технологий бытие-в-мире раскрывалось через отношение человека к внешней действительности. Оно соотносилось с местом, в котором человек находится, и имело пространственно-временные характеристики. С появлением цифровых технологий человек получает возможность одновременно пребывать в реальности и интернет-пространстве. Жизнь цифрового

поколения в двух измерениях существенно изменяет представление о «бытии-в-мире». Рассмотрим, как раскрывается понятие «бытие-в-мире» в современных реалиях.

Бытие-в-мире цифрового поколения

Человеческое бытие-в-мире есть бытие, воплощенное в телесности. Связь человека с миром осуществляется с помощью органов чувств при взаимодействии с окружающей действительностью. В современном мире, используются информационные медиа, которые приводят к расширению связи человека с реальностью. Благодаря цифровым технологиям человек выходит за пределы телесности, преодолевает пространственные и временные границы, получая возможность находится в режиме текущих событий, происходящих в мире, свободно передвигаясь по информационным потокам.

Цифровые технологии приводят к глубоким изменениям отношения субъекта к повседневному миру, который становится для него менее динамичным и интересным, а виртуальность более привлекательной, разнообразной, поскольку позволяет рассеяться и отвлечься от скуки и тягот повседневности. А. В. Фролов отмечает, что в результате влияния электронных медиа бытие-в-мире «канализируется», человек отчуждается от привычного окружения и активной жизнедеятельности. Он все больше вовлекается в события, которые происходят где-то в мире, не связанные с ним напрямую. Можно сказать, что изменяется экзистенциальная матрица бытия человека [8, с. 21].

Происходит стирание границ между виртуальным и реальным мирами. Виртуальность воспринимается цифровым поколением как продолжение реальности, поэтому можно определить бытие-в-мире как «гибридное бытие», которое представляет собой синтез виртуальной и повседневной жизни субъекта. Человека может одновременно быть здесь и где-то еще, он может «отсутствовать» в своем присутствии [8, с. 22]. Таким образом, цифровые технологии изменяют восприятие субъектом пространства, поскольку в виртуальности отсутствует жесткая привязка опыта к телесному присутствию. Трансформируется представление субъекта о «событийности». Стирается различие между реальными и медийными явлениями, их значимость становится равноценной. События встраиваются в информационный поток, где все контенты равны [8, с. 25].

Подобная шаткость и двойственность бытия приводит к формированию стремле-

ния определить себя («Я») и свое существование. Если раньше было достаточно картезианского представления, определяющего онтологический статус существования и сознания человека через процесс мышления, то теперь современное поколение приходит к другой максиме. Атрибутом существования цифрового поколения становится «кибер-тень» или цифровой след пользователя. Следы пассивного или активного присутствия в сети свидетельствуют о существовании в мире. Согласно американскому теоретику У. Митчеллу в мировоззрении цифрового поколения «Я» рассматривается как часть сети, а сеть как часть «Я». Удостоверится в значимости существования можно по активности в Сети или по результатам Google-поиска [5, с. 38]. Желание быть в мире проявляется в постоянной проверке аккаунта, скроллинге новостной ленты и обновлении информации на своей странице. Эта особенность связана со стремлением пользователя получить подтверждение ценности своего присутствия в социальной жизни. Закрепляется установка сознания воспринимать в качестве реальных только те события, которые освещены в сети. Человек нуждается в постоянном подтверждении онтологического статуса существования, с помощью потребления контента и его создания. Текущим состоянием субъекта становится поиск инфо-поводов, будь то новые события или идеи для выражения собственного мнения. При этом деятельность человека в сети и ее результаты превращаются в некую самостоятельную силу, которая определяет существование человека.

Бесконечная погоня за инфо-поводами может обернуться синдром упущенных возможностей (англ. Fear of missing out (FOMO)). Данный термин ввел в употребление П. Макгиннис. Под ним понимают тревожное психическое состояние, когда человек боится пропустить интересное или важное событие [13]. Современные исследователи считают, что цифровое поколение подвержено FOMO, поскольку оно постоянно находится в информационных потоках. Новые события и связанные с ними возможности, быстро сменяют друг друга. Быстрая сменяемость событий не позволяет представителям цифрового поколения оценить их перспективность для самореализации. Наличие множества привлекательных вариантов парализует волю, человеку сложно осуществить выбор.

Боязнь упущенных возможностей сопровождается страхом лишиться доступа к интернету или мобильному телефону. У человека присутствует непреодолимое желание

оставаться в курсе дел друзей и знакомых, для этого он прибегает к пролистыванию сетей. Согласно М. Берк, К. Марлоу, Т. Ленто наблюдение за сетевой жизнью других людей не дает правильных представлений о бытии. Поскольку посредством цифровых технологий люди могут создавать идеализированные образы. Сравнение себя с идеализированным образом другого человека заставляет задуматься об упускаемых возможностях. Человеку начинает казаться, что жизнь других интересней, чем собственная. Эти пессимистичные мысли сопровождаются переживанием тревоги, чувством глубокого психологического дискомфорта [16].

Бытие-с-другим цифрового поколения

В экзистенциальном подходе важной характеристикой существования является бытие-с-другими. У цифрового поколения большое значение в выстраивании отношений с другими людьми играет виртуальная коммуникация. Молодое поколение чаще всего оценивает виртуальную коммуникацию с положительной стороны, поскольку она протекает в более комфортных и безопасных условиях, чем реальное общение. Она дает возможность общаться с интересными людьми независимо от их местонахождения и позволяет сэкономить время. Однако может ли виртуальная коммуникация приводить к построению глубоких и крепких отношений? Попробуем оценить ее экзистенциальный потенциал для раскрытия внутреннего мира собеседников и формирования отношений.

Виртуальная коммуникация существенно отличается от живого общения, поскольку в ней отсутствует невербальный компонент. Коммуникаторы остаются друг для друга невидимыми, что по мысли некоторых исследователей может приводить к торможению проявлений эмоций и чувств собеседников по отношению друг к другу. Сознанию человека присущ эффект зеркального отражения, суть которого заключается в подсознательном воспроизведении невербальных сигналов другого человека [17]. Данную функцию выполняют зеркальные нейроны. Они связаны с проявлением эмпатии, социальным поведением, имитационными действиями. Зеркальные нейроны дают человеку бессознательную способность понимать, осознавать и имитировать всё, что попадает в поле зрения. Благодаря им человек практически мгновенно улавливает чувства окружающих, у него развиваются социальные адаптационные механизмы, поддерживаются

нормы общественного поведения, создается атмосфера взаимопонимания [2, с. 253].

При живом общении сходство в невербальных жестах позволяет индивиду чувствовать себя более связанным с человеком, который проявляет зеркальное поведение. Похожие невербальные жесты создают у собеседников представление, что у них родственные взгляды и идеи. Зеркальные нейроны, запускающие бессознательный механизм воспроизводства мимики и движения собеседника, позволяют людям чувствовать единство, вовлеченность и принадлежность к ситуации [19]. При виртуальной коммуникации отсутствует непосредственный контакт между людьми, это вызывает дополнительные трудности в общении, так как без зеркального отражения сложнее понять и установить связь со своим собеседником. Отсутствие невербальных сигналов при общении в какой-то степени подавляет эмоциональную сферу человека. Он начинает реже проявлять свои чувства, искажается его восприятие самого себя и окружающей действительности.

А. Ю. Иванова и М. В. Малышкина отмечают, что из-за преобладания виртуального общения в жизни цифрового поколения, его представители испытывают трудности в понимании невербального поведения окружающих, кроме того, у них снижается уровень эмпатии и сопереживания [4, с. 226]. Отсутствие невербальных сигналов не дает возможности адекватно воспринимать другого человека как чувствующего и переживающего субъекта взаимодействия. Из-за высокой степени абстрагирования виртуальной коммуникации искажается представление о том, что за «аватаром» скрывается живой человек, который может испытывать сильные эмоции и чувства. Как пишет Г. У. Солдатова в онлайн-коммуникации другой человек не настолько «очевидно "живой" и переживающий, если речь идет о цифровом мире, что позволяет отнестись к нему с меньшей ответственностью» [7, с. 378].

Хотя в виртуальной коммуникации невербальные средства общения теряют свое значение, данный вид общения в какой-то степени продолжает выполнять аффективную функцию. Однако передача чувств и эмоций приобретает упрощенный характер, по сравнению с межличностным общением в реальности. В Интернете используется подобие невербального языка — эмодзи, выражающие основные эмоции, которые может переживать человек в реальной жизни. Эти графические символы придают сообще-

нию эмоциональный оттенок. Виртуальное общение не столь эмоционально окрашено, хотя оно тоже влияет на эмоциональный фон коммуникантов.

Смайлы, GIF-аниматоры могут передавать настроение человека, пишущего сообщение. Однако они не являются адекватным субститутотом «молчаливой речи». Данные способы передачи эмоций и чувств человека используются не столько для выражения переживаний, сколько для умышленного регулирования эмоционального восприятия собеседника информации [18, р. 169]. Используемые эмодзи становятся частью продуманного виртуального образа, благодаря которому можно осуществлять экспрессионную манипуляцию над сознанием коммуникатора.

Таким образом, цифровая культура трансформирует коммуникацию между людьми. В ней уже не присутствует Другой в своей телесности. Отсутствие визуального контакта с реальным человеком в виртуальной коммуникации дает возможность пользователям скрывать свою личность, создавая цифровые самопрезентации [14]. Отсутствие ограничений материального мира в виртуальной коммуникации позволяет презентовать себя, выбирая любую внешность, пол, социальное положение [20].

В виртуальной коммуникации сложно прочертить границы между виртуальным образом и личностью, между самопрезентацией и симуляцией. Виртуальная личность может не соотноситься с реальным человеком, однако чаще всего является отражение изменений структуры идентичности человека. «Я» человека преобразуется под воздействием социальных изменений. Виртуальная личность позволяет в более явной форме проследить эту трансформацию [20]. Ш. Теркл отмечает, что идея трансформации «Я» индивида не нова. Человек обладает множеством «Я» и это является свидетельством его психологического здоровья. В работе «Жизнь на экране: идентичность в век Интернета» исследователь отмечает, что не так давно стабильность воспринималось как социально ценный и культурно поощряемый феномен. Человек отличался согласованными и последовательными формами поведения, выполнял ригидные социальные роли, которые соответствовали относительно стабильным условиям его жизни. Теперь социальные условия поменялись, удержание стабильности уже не является определением психологического здоровья человека. В настоящее время здоровье описывается скорее в терминах текучести.

Среда диктует свои правила, более значимым для современного человека является способность меняться и приспосабливаться: к новой работе, новому направлению карьеры, новым социальным ролям, новым технологиям [21].

Конструирование виртуальной личности может быть связано с расширением возможностей проявления различных аспектов «Я» человека. В повседневности нормативность слишком формальна. В виртуальности человек получает возможность выразить все стороны своего многогранного «Я» [18]. В этом случае виртуальная личность может способствовать лучшей самоактуализации человека. Самовыражение происходит путем освоения новых социальных ролей [3, с. 445]. Индивид самоопределяется, проживая новый для себя опыт. Желание получить новый опыт, попробовать себя в иных ролях характерно для открытой идентичности, которая ищет альтернативы дальнейшего развития. Следует отметить, что желание освоить новый опыт через использование виртуальных личностей актуально для подросткового и юношеского возраста, когда человек проходит через кризис идентичности, его собственное «Я» представляется размытым. В этом случае виртуальная личность выполняет функцию самоактуализации.

Кроме того, виртуальные образы, которые создают субъекты сетевой коммуникации могут служить индикаторами ценностных приоритетов личности. Через них индивид показывает значимые для себя роли или формы поведения. В этом случае виртуальное пространство позволяет проявлять индивиду те качества, проиграть те роли и пережить те эмоции, которые оказались фрустрированными в реальной жизни. Однако обыгрывание разнообразных ролей вовсе не означает, что созданные образы «Я» несоизмеримы с настоящей личностью субъекта. Виртуальное «Я» как и идеальное-Я демонстрирует ценностные компоненты мировоззрения индивида, то есть служит индикатором заложенных в нем потенциалов, которые не нашли своего воплощение в повседневности. Виртуальное пространство выступает пробной версией последующей самореализации личности, когда она откроет для себя глубинные стороны «Я» и осознает возможности их проявления уже в реальном мире.

Следует отметить, что в виртуальной коммуникации субъекты довольно часто прибегают к анонимности. Однако, как отмечает Аарон Бен-Зев, скрывание личных данных не является главной целью общения.

Виртуальная коммуникация имеет большой экзистенциальный потенциал. Анонимные пользователи, вступая в общение, стремятся к откровенности в выражении своих мыслей и ожидают ответной честности от своих собеседников [15]. Анонимность, как ни парадоксально, становится стимулом к открытости по отношению к Другому. Возможность сохранить свою личность в тайне, приводит к тому, что интернет-пространство начинает выполнять функцию терапевтической кушетки или исповедальни [10, с. 177]. Благодаря виртуальной коммуникации пользователи могут рассказать о фактах из жизни, о которых не знают даже близкие родственники [15, р. 72]. Открытость в виртуальном общении становится основой для взаимного сближения, служит толчком для развития крепкой связи между людьми.

Заключение

Интенсивная виртуализация среды изменила отношение человека к бытию-в-мире. Бытие-в-мире становится полнее, поскольку включает в себя как жизнь в повседневности, так и существование в цифровом пространстве. Интернет-пространство становится еще одним домом для цифрового человека, субъект может воспринимать сетевые взаимодействия как самодостаточный вид бытия, поскольку они могут временно замещать реальные связи и отношения.

Дигитальный мир приводит к антропологическим трансформациям, суть которых заключается в создании иных основополагающих смыслов и ценностей. Формируется иная форма субъектности со своим специфическим способом жизнедеятельности. Жизнедеятельность цифрового поколения становится направленной на утверждение себя в информационно-коммуникативном пространстве, с помощью создания виртуальных самопрезентаций.

Создание виртуальных образов является необходимым в процессе социализации представителей цифрового поколения. Однако это сопряжено некоторыми рисками. Виртуальные образы могут не соотноситься с реальной личностью, что приводит к экзистенциальным противоречиям. Однако конструирование виртуальных образов часто является проявлением заложенных в человеке потенциалов, которые могут реализовываться в интернет-пространстве. Виртуальная реальность может создавать благоприятные условия для самоопределения и самореализации личности, когда человек через виртуальные образы

раскрывает глубинные стороны собственного «Я» и осознает возможности их проявления в повседневности. Поскольку процесс создания и презентации виртуальных образов делает личность более открытой, то можно говорить о его большом экзистенциальном потенциале. Человек через виртуальные образы наполняет себя новыми смыслами.

Существенно трансформируется бытие-с-другим. Взаимодействия с другими людьми в цифровой среде становится более упрощенным, поскольку другие не представлены в своей живой телесности. Человек контактирует с людьми не напрямую, а с их цифровыми презентациями, скрывающими их живое телесное присутствие. Отсутствие телесного контакта в виртуальном общении может вызвать проблему непонимания эмоций, чувств, переживаний другого человека [8, с. 25].

Однако невидимость и анонимность собеседников может освободить коммуникацию от процесса социальной категоризации и нивелировки. Встреча с другим человеком никогда не является пассивным процессом. Она требует подготовки, особого расположения. По мысли К. Ясперса пробуждение истока подлинной коммуникации возможно только в том случае, если человек освободится от объективно-фиксированных идеалов [12, с. 63]. Анонимность дает возможность отказаться от социальной категоризации, мешающей воспринимать человека объективно. Она создает пространство диалога, где личность может почувствовать свободу самоопределения, которая выражается в том, что она может выбирать разные варианты развития мыслей, открытое проявление своих чувств.

Однако если следовать методологии Ясперса, то бытие человека в виртуальном пространстве, скорее мешает выйти на уровень экзистенции. Существование человека в цифровой среде — это всего лишь новая форма бытия в мире, уводящая от экзистенции. Трагедия современного человека как раз в том, что он не может прорваться к экзистенции, поскольку в виртуальном пространстве он живёт не своей жизнью. Виртуальный мир в этом смысле даже опаснее обычного, так как он не позволяет человеку раскрыть свою экзистенцию из-за навязанных стереотипов.

Экзистенциальный потенциал взаимодействия во многом определяется через раскрытие «Я» участников коммуникации. С одной стороны, в виртуальном пространстве может сформироваться связь с

эфемерной личностью, которая не будет раскрывать стороны «Я» в общении. С другой — в процессе конструирования виртуальных образов выявляется сокровенная часть личности субъекта, его ценности и смыслы. Как писал О. Уайльд, человек мало похож на себя, когда говорит от своего имени, но стоит ему дать маску и он расскажет о себе всю правду. Виртуальные образы как раз выполняют функцию маски, благодаря которой человек не испытывая страха, показывает себя. Однако понимание личности собеседника, говорящего через маску, во многом зависит от проницательности и заинтересованности коммуникатора.

Любое общение рассматривается человеком в ценностном аспекте. Если виртуальная коммуникация значима для человека, то она переживается как реальность, если нет — является фикцией. Онтологический статус социальных отношений зависит от личного восприятия конкретного пользователя. Таким образом, подлинность коммуникации определяется через установление участниками коммуникации ценностного потенциала общения. Медиатизация аспектов человеческого существования не приводит к отсутствию жизни, поскольку в виртуальную коммуникацию вступают настоящие люди, со своими чувствами, мыслями, переживаниями, записанными в ином, цифровом формате [18, р. 13].

Часто исследователи связывают отчуждение в отношениях между людьми с медиатизацией бытия. Однако виртуальная коммуникация выносит на поверхность реалии современного общества. Она может выявлять отчуждение. Проблема отчуждения решается не путем отказа от онлайн-коммуникации и погружения человека в коммуникацию лицом к лицу, а через реализацию экзистенциальных потребностей людей, вступающих в коммуникацию. Виртуальная коммуникация как живое общение может создать благоприятные условия для погружения в экзистенциальное измерение, если собеседники заинтересованы в выстраивании глубоких отношений.

Статья поступила в редакцию 26.06.2022

1. Бердяев Н. А. Царство Духа и царство Кесаря. М. : Республика, 1995. 383 с.

2. Бэнкс Э., Хиршман Л. На одной волне. Нейробиология гармоничных отношений. М. : Манн, Иванов и Фербер, 2016. 304 с.

3. Жичкина А. Е., Белинская Е. П. Самопрезентация в виртуальной коммуникации и особенности идентичности подростков — пользователей Интернета // *Образование и информационная культура. Социологические аспекты: труды по социологии образования*. 2000. Т. V, вып. VII. С. 431—460.

4. Иванова А. Ю., Малышкина М. В. Психологические проблемы общения и деятельности поколения цифровых технологий // *Ученые записки университета имени П. Ф. Лесгафта*. 2017. № 7 (149). С. 221—228.

5. Митчелл У. Я++ [Я плюс плюс]: Человек, город, сети. М. : Strelka Press, 2012. 328 с.

6. Сартр Ж.-П. Экзистенциализм — это гуманизм // *Сумерки богов : сборник*. М. : Политиздат, 1989. С. 319—344.

7. Солдатова Г. У. Цифровая культура: правила, ответственность и регуляция // *Цифровое общество как культурно-исторический контекст развития человека : сб. науч. ст. и материалов междунар. конф. Колонна : ГСГУ*, 2018. С. 374—379.

8. Фролов А. В. Экзистенция и мира в цифровую эпоху // *Вестник Московского университета*. 2018. № 3. С. 18—30.

9. Хайдеггер М. Разметка бытия-в-мире из ориентации на бытие-в как таковое // *Хайдеггер М. Время и бытие*. М. : Республика, 1993. С. 58—64.

10. Худа-Гранат М. Феномен сетевой коммуникации — новый вид человеческих отношений или иллюзия интерперсональной связи? // *История и современность*. 2010. № 2. С. 167—184.

11. Ясперс К. Введение в философию. Минск : Пропиелеи, 2000. 192 с.

12. Ясперс К. Просветление экзистенции // *Философия*. Кн. II. М. : Канон+ : Реабилитация, 2012. 448 с.

13. Andrew K. Przybylski, Kou Murayama, Cody R. DeHaan, Valerie Gladwell. Motivational, emotional, and behavioral correlates of fear of missing out // *Computers in Human Behavior*. 2013. Vol. 29, no. 4. P. 1841—1848.

14. Becker B. To be in touch or not? Some remarks on communication in virtual environments // *Proceedings of the 6th International IFIP-Conference*. Bonn : Germany, 1997. P. 211—212.

15. Ben-Ze'ev, A. Miłość w Sieci. Internet i emocje. Poznań : Rebis, 2005. 335 p.

16. Burke M., Marlow C., Lento T. Social Network Activity and Social Well-being // *Proceedings of the SIGCHI Conference on Human Factors in Computing Systems*. New York, ACM, 2010. P. 1909—1912.

17. Chartrand T. L., Bargh J. A. The chameleon effect: The perception-behavior link and

social interaction // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1999. no. 76 (6). P. 893—910.

18. Dziedzic B., Konstruowanie i rozumienie znaczeń e komunikowaniu mediowanym komputerowo, Wydawnictwo A. Marszałek. Torun, 2005. 200 p.

19. Iacoboni M. Mirroring people: The new science of how we connect with others. New York : Picador, 2008. 308 p.

20. Kelly P. Human Identity Part 1: Who are you? / *Netropolitan life*. E-lecture from the University course about the net. 1997. 78 p.

21. Turkle Sh. Constructions and Reconstructions of the Self in Virtual Reality // *Massachusetts Institute of Technology. Identity workshop*. Cambridge, 1997. P. 10—13.

References

1. Berdyaev N.A. (1995) *TSarstvo Dukha i tsarstvo Kesarya*. Moscow, Respublika, 383 p. [in Rus].

2. Behnks E. H., Khirshman L. (2016) *Na odnoj volne. Nejrobiologiya garmonichnykh otnoshenij*. Moscow, Mann, Ivanov i Ferber, 304 p. [in Rus].

3. Zhichkina A.E., Belinskaya E.P. (2000) *Samoprezentatsiya v virtual'noj kommunikatsii i osobennosti identichnosti podrozkov — pol'zovatelej Interneta. Obrazovanie i informatsionnaya kul'tura. Sotsiologicheskie aspekty: trudy po sotsiologii obrazovaniya*, vol. V, iss. VII, pp. 431—460 [in Rus].

4. Ivanova A.Yu., Malysheva M.V. (2017) *Psikhologicheskie problemy obshcheniya i deyatel'nosti pokoleniya tsifrovyykh tekhnologiy. Uchenye zapiski universiteta imeni P.F. Lesgafta*, no. 7 (149), pp. 221—228 [in Rus].

5. Mitchell U. (2012) *YA++ [YA plus plus]: CHelovek, gorod, seti*. Moscow, Strelka Press, 328 p. [in Rus].

6. Sartr Zh.-P. (1989) *Ehkzistentsializm — ehto gumanizm. Sumerki bogov: sbornik*. Moscow, Politizdat, pp. 319—344 [in Rus].

7. Soldatova G.U. (2018) *TSifrovaya kul'tura: pravila, otvetstvennost' i regulyatsiya. TSifrovoe obshchestvo kak kul'turno-istoricheskij kontekst razvitiya cheloveka: sbornik nauchnykh statej i materialov mezhdunarodnoj konferentsii*. Kolomna, GSGU, pp. 374—379 [in Rus].

8. Frolov A.V. (2018) *Ehkzistentsiya i mira v tsifrovuyu ehpokhu. Vestnik Moskovskogo universiteta*, no. 3, pp. 18—30 [in Rus].

9. Khajdegger M. (1993) *Razmetka bytiya-v-mire iz orientatsii na bytie-v kak takovoe. KHajdegger M. Vremya i bytie*. Moscow, Respublika, pp. 58—64 [in Rus].

10. Khuda-Granat M. (2010) *Fenomen setevoy kommunikatsii — novyy vid*

chelovecheskikh otnoshenij ili illyuziya interpersonal'noj svyazi? *Istoriya i sovremennost'*, no. 2, pp. 167—184 [in Rus].

11. Yaspers K. (2000) *Vvedenie v filosofiyu*. Minsk, Propilei, 192 p. [in Rus].

12. Yaspers K. (2012) *Prosvetlenie ehkzistentsii. Filosofiya. Kn. II*. Moscow, Kanon+, Reabilitatsiya, 448 p. [in Rus].

13. Andrew K. (2013) Przybylski, Kou Murayama, Cody R. DeHaan, Valerie Gladwell. Motivational, emotional, and behavioral correlates of fear of missing out. *Computers in Human Behavior*, vol. 29, no. 4, pp. 1841—1848 [in Eng].

14. Becker B. (1997) To be in touch or not? Some remarks on communication in virtual environments. *Proceedings of the 6th International IFIP-Conference*. Bonn, Germany, pp. 211—212 [in Eng].

15. Ben-Ze'ev A. (2005) Miłość w Sieci. Internet i emocje. Poznań, Rebis, 335 p. [in Eng].

16. Burke M., Marlow C., Lento T. (2010) Social Network Activity and Social Well-being. *Proceedings of the SIGCHI Conference on Human Factors in Computing Systems*. New York, NY, USA, ACM, pp. 1909—1912 [in Eng].

17. Chartrand T.L., Bargh J.A. (1999) The chameleon effect: The perception-behavior link and social interaction. *Journal of Personality and Social Psychology*, no. 76 (6), pp. 893—910 [in Eng].

18. Dziedzic B. (2005) *Konstruowanie i rozumienie znaczeń e komunikowaniu mediowanym komputerowo*, Wydawnictwo A. Marszałek. Torun, 200 p. [in Eng].

19. Iacoboni M. (2008) *Mirroring people: The new science of how we connect with others*. NY, Picador, 308 p. [in Eng].

20. Kelly P. (1997) *Human Identity Part 1: Who are you? / Netropolitan life*. E-lecture from the University course about the net, 78 p. [in Eng].

21. Turkle Sh. (1997) *Constructions and Reconstructions of the Self in Virtual Reality. Massachusetts Institute of Technology. Identity workshop*. Cambridge, pp. 10—13 [in Eng].

For citing: Bogdanova V.O. Existential approach to studying the existence

of the digital generation //

Socium i vlast'. 2022. № 3 (93). P. 17—24.

DOI: 10.22394/1996-0522-2022-3-17-24.

EDN HCECBI.

UDC 140.8

EDN HCECBI

DOI 10.22394/1996-0522-2022-3-17-24

EXISTENTIAL APPROACH TO STUDYING THE EXISTENCE OF THE DIGITAL GENERATION

Veronika O. Bogdanova^{1, 2}

¹ South Ural State

Humanitarian Pedagogical University,
Associate Professor of the Department
of Philosophy and Cultural Studies,
Cand. Sc. (Philosophy),

² South Ural State University
(National Research University),

Associate Professor
of the Department of Philosophy,
Chelyabinsk, Russia.

E-mail: verovictory@mail.ru

Abstract

The article examines the existence of the digital generation from the viewpoint of the existential approach. The author shows that digital technologies expand a person's connection with reality; he goes beyond his own physicality and overcomes spatial and temporal boundaries. Virtuality begins to be perceived as a continuation of reality, therefore being-in-the-world is defined by the author as a "hybrid being", which is a synthesis of virtual and everyday life of the subject. In the article, the author concludes that the blurring of the boundary between the real and the virtual actualizes the need of the individual for self-determination and self-creation, which are realized in being-with-another. Digital culture leads to the transformation of being-with-another, because in the virtual world the other is absent in his physicality, which makes it possible to hide the identity by creating digital presentations. The construction of virtual images allows the subjects to manifest different sides of the multifaceted "I" and overcome social categorization, which makes the communication process deeper in an existential sense.

Keywords:

existential approach,
being-in-the-world,
being-with-another,
virtual communication,
digital generation,
self-presentation